

В школьные годы я жил у бабушки. Родители работали на заводах в разные смены и слова из детского шлагера - «Я у бабушки живу, я у дедушки живу. Папа с мамой ходят в гости к нам.» - были тогда актуальны и злободневны для многих юных жителей промышленных центров.

В мае 85-го, когда я заканчивал первый класс, в стране был введён «сухой закон». Тогда я узнал как делается самогон. Пару недель брага отстаивалась на табуретке в выварке возле умывальника, она «играла» и «бродила», а зловоние, распространяемое ею, вызывало у меня тошноту и отвращение, когда я чистил зубы. Потом она вываривалась на плите в большой кастрюле, внутри которой находилась миска на подставке для собирания спирта. Вместо крышки сверху был таз с водой, герметично соединённый с кастрюлей мокрым полотенцем. Вонючка в процессе перегонки стояла такая, что мухи падали замертво, а у меня начиналось головокружение и я был близок к обмороку, когда заходил на кухню попить воды. Обычно, после разбавления спирта, получалось пять литров самогона, которых едва хватало на выходные.

В один из таких выходных и праздничных дней, к нам пришли «квакнуть» тётя Люда, сорока лет, старшая бабушкина дочь со своим пятидесятилетним мужем Юрием Ивановичем. Дома находились бабушка с дедушкой, их сын дядя Саша и я с ними, единственный, кто не претендовал на «огненную воду».

Ближе к ночи они оприходовали почти весь самогон и разбрелись спать. Наши с дядей Сашей лежанки заняли тётя Люда с Юрием Ивановичем, которого в связи со сложностью произношения трех «и», юрИИИИванович, по - семейному «окрестили» Ереванычем. Бабушка с дедушкой спали в своей комнате. А мы с дядей Сашей сидели в зале. Он был самый глуповатый и выносливый в семье, поэтому продолжал пить и смотреть телевизор до глубокой ночи.

Глаза у меня стали слипаться и я задумался, где бы голову преклонить. Решил примоститься

на кровати рядом с бабушкой и дедушкой. Много места мне не требовалось, поскольку я в то время являл собой живые мощи - кости туго обтянутые кожей. Мой живот был подобен Марианской впадине, отчего птичьи рёбра выступали особенно выпукло и зловеще, как у анатомической модели скелета человека. Если в осенне - зимний период моя худоба скрывалась под драповым пальто или болоньевой курткой, то с приходом тепла всё становилось на свои места, я был похож на узника Бухенвальда из военной кинохроники. Ел я столько, сколько мне требовалось, а не сколько накладывали. Конечно, я не был сильным, но зато - энергичным и подвижным. Многие взрослые удивлялись: как в этом тельце теплится жизнь. Бабушка страдала: «Люди скажут, шо дома тоби йисты не дають!»

И вот, я решил осторожно пристроиться возле бабушки и дедушки, но, чтобы случайно не заехать кому-нибудь из них в глаз локтем в темноте. Включать свет среди ночи было бы опрометчиво с моей стороны и можно было нарваться на грубость отдыхающих, поэтому я решил прояснить ситуацию, а именно - подсветить спичкой. Я пошел на кухню, взял коробок и вернулся в спальню. Когда моя спичка зажглась, на расстоянии вытянутой руки от спящих, то я увидел бабушку, отвернувшуюся лицом к стене и деда, лежавшего на боку в том же направлении и подложившего под голову обе ладони, как будто он спал в чистом поле, а не на кровати с подушкой.

Если бабушка продолжала безучастно лежать, то дед сразу же после вспышки огонька повернул голову в мою сторону. Когда они жили в деревне, то один сельский дурачок поджёл им ночью сарай и деда с тех пор преследовали кошмары. Сначала в его, безумно уставившихся на меня глазах отразился леденящий кровь ужас, и казалось он сейчас закричит: «Полундра!» Но вскоре он начал осознавать происходящее и в его глазах сквозь ужас стала проступать лютая ненависть. «Я тебя убью!» - сказал он взглядом. «Не поймаешь!» - ответил я аналогичным образом и, задув спичку, оборвал сеанс телепатии.

Услышав как дед заворочался и закричал в темноте, собираясь пуститься за мною в погоню, я, не теряя больше времени, как метеор рванул в зал, где продолжал квасить полуночник дядя Саша и попросил своего безотказного друга поднять нижнюю спальную секцию сложенного дивана. Быстро забравшись внутрь, я скомандовал: «Опускай!» Вскоре в комнату дошаркал дед. В минуты душевного волнения он всегда скрежетал зубами. «Где этот щенок?!» - прорычал он. «Ты чего, бать?» - удивлённо и миролюбиво ответил дядя Саша, чем привёл своего отца в неистовство. «Дурак!» - заорал на него дед.

Дядя Саша родился недоношенным и в младенчестве, чтобы согреть его, использовали паяльную лампу. Моя мать испытывала к нему смешанные чувства и нередко, когда я рассказывал о наших с ним играх в солдатики, говорила мне: «Твой дядька - дебил.» В детстве, родители часто отправляли её на розыски младшего брата, которого ей приходилось отыскивать порой в самых необычных местах, в том числе и в выгребных ямах. Руки у него были не приспособлены к «тонкой работе», поэтому он трудился формовщиком - бетонщиком на заводе. Всех невест, которых дядя Саша приводил в дом, его родители забраковывали, открывая в них тот или иной изъян, которого не разглядел их сын. На досуге он любил читать книги, лежа на диване, а на пол, у себя под носом, неизменно клал носки, которые стирал по воскресеньям.

Но бабушка души не чаяла в нем. Вот и сейчас, проснувшись от криков

и, почуввав сердцем неладное, она опрометью бросилась в зал. Мать четверых детей, привыкла верховодить в семье. Дед рычал, но смирялся. А взрослые дети находились в её власти как малыши. Однажды мы с бабушкой пришли к тётке Люде, работавшей врачом скорой помощи, которая сидела подвыпившая на табурете и курила «Родопи». На требование матери немедленно прекратить «перекур» при ребёнке, сорокалетняя дочь возмущённо воскликнула: «Маман, я взрослая женщина и нахожусь у себя дома!» - и тут же получила затрещину, от которой взрослая женщина кубарем покатила по полу.

Забежав в комнату, бабушка сразу набросилась на деда: «А ну замовкни, падло! Злякав хлопца, скотына безрога!» В детстве она умела только «балакать» до тех пор, пока не пошла в сельскую школу. Но даже потом, проработав всю жизнь учительницей, она навсегда сохранила эту старую привычку и всегда разговаривала так с домочадцами, а на улице с соседями и совсем чужими людьми она всегда говорила на правильном языке. Дед яростно заскрежетал зубами, как будто его подняли на дыбу, а потом я услышал удаляющееся шлепанье его тапок. «И ты лягай! - сказала бабушка сыну - Поки це буде?» Дядя Саша уже давно знал, что вопросы его матери носят риторический характер и тоже удалился из зала. Наступила долгожданная тишина. Я попробовал поднять секцию дивана над собой и понял, что самостоятельно мне выбраться не удастся.

Но худшее было ещё впереди. Вскоре на диван завалилось чьё-то тяжёлое тело и тут же захрапело. Это был Ереваныч. Дядя Саша согнал его со своей кровати и гость на автопилоте перебрался в зал. Мне вспомнилось как однажды я зашёл к тётке и она послала нас с Ереванычем в гастроном за продуктами. В мясном отделе, где на витрине красовались обглоданные кости, к нам прицепился какой-то озверевший мужик и стал втолковывать моему сопровождающему, что он - «кзёл», потому что у мужика после ремонта произведённого в его квартире Ереванычем, отклеились обои. Но шабашник уверял, что впервые видит этого мужика, а сам, развернув меня в сторону к выходу из магазина, тихо сказал: «Беги к тётке.» Я пошел в указанном направлении, а дальше события развивались стремительно - Ереваныч обогнал меня, сверкая подошвами, а за ним на всех парах мчался разъяренный мужик. Они были похожи на двух школьников, игравших на перемене в догонялки, пока не скрылись за дверью гастронома. С тех пор я старался подальше держаться от Ереваныча, но никто не может предусмотреть всего. Вот и сейчас он навалился на меня как стихийное бедствие.

Самое ужасное в моём положении было то, что теперь, под гнётом веса Ереваныча, я не мог свободно дышать, иначе диван как бы сдавливал меня, а острое ребро бруска - перемычки я ощущал своим горлом как лезвие ножа. Мне стало жутко, но я решил не поддаваться панике и вспомнил как однажды в душном троллейбусе упал в обморок и когда меня привели в чувство, подумал: смерть - это вечный обморок, не существовать и не мучиться. Но меня все равно смущала перспектива даже бесчувственным лежать под землёй, в такой темноте, тесноте и мерзлоте. Я стал обследовать ладонью внутреннюю поверхность дивана, обшитую ДВП и обнаружил отверстие с пятикопеечную монету. Сунув в него два пальца, нащупал пружину, а затем вытащил оттуда клочок ваты. Перекатывая его пальцами, я подумал, что лежать в диване все же лучше, чем в гробу. Из дивана можно выбраться.

Первое, что пришло мне в голову - это закричать. Мне казалось, что если

я это сделаю, но только не очень громко, чтобы никого не разбудить, то тогда только одна чуткая бабушка проснется, придет, сгонит Ереваныча и, подняв крышку гроба, тьфу, дивана, освободит своего единственного и ненаглядного, гремящего костями внука и прижмёт к любящей груди. А потом она поведёт меня на кухню и заварит грузинского чаю, отрежет к нему кусок белого хлеба, намазав его маслом и посыпав сахаром. Но на мой осторожный крик никто не отозвался. А между тем пробило два часа ночи.

Я с пяти лет научился читать, и все книги, что покупал дядя Саша с полочки или аванса мы читали вместе - сначала он, а потом я. Внутри дивана, в духоте и темноте, мне как нельзя кстати вспомнились впечатляющие рассказы «безумного Эдгара», в которых герои издавали нечеловеческие крики, выражая в них, овладевшие ими ужас и отчаяние. Я понял, что для того, чтобы меня услышали, надо кричать громче и заорал что есть мочи, как заживо замурованный Фортунато из «Бочонка амонтильядо». После первого крика я прислушался - в доме было по прежнему тихо, только Ереваныч храпел надо мной как убитый.

Тогда я стал орать, с передышками, снова и снова. И вот послышалось какое-то движение в доме. Я услышал, как уже совсем рядом, по коридору несётся бабушка, как растревоженная квочка разыскивающая своего цыпленка и её панический голос: «Дэ вин? Дэ вин? Сашка, шукайте скризь!» Чтобы стало ещё горячее, я издал последний неистовый вопль и к стыду своему заметил как он из отчаянного перешёл в торжествующий, отчего почувствовал как кровь прилила к лицу. И вот уже я слышу над собой властный голос бабушки: «Юрка, а ну геть!» Затем послышалось нечленораздельное бормотание Ереваныча, после чего его как ветром сдуло с дивана и мне стало легче. Бабушка не любила никого долго уговаривать и сразу пускала в ход грубую женскую силу, которой она была не обделена от природы.

Она подняла секцию дивана и я выполз на свет Божий. Представляю какое это было жалкое зрелище - рахитичный ребёнок с трудом переползает через диванную перегородку. Я видел перед собой бабушкины ноги, одна из которых было обезображена варикозом (выходя на улицу, она обматывала ногу эластичным бинтом, как солдат портянкой) и меня созерцание этих ужасных узлов на её ноге всегда приводило в трепет, но сейчас мне было не до того. Я прополз у неё между ног, выбрался на середину комнаты, лег на спину и подставив своё лицо люстре в четыре лампочки, от которой шло тепло, ощущал себя как недодушенная ящерица. Ереваныч сидел в кресле и тер глаза, а дядя Саша ходил по комнате размахивая руками и пожимая плечами и, видимо, ожидал какие ещё указания последуют от матери.

Утром все дружно похмелившись, приходили в себя за столом на кухне, а я с ним просто завтракал. Тётя Люда потягивала горячий чай и смотрела на меня с гримасой отвращения, а потом, вынув изо рта обсосанный ломтик лимона, спросила: «Ты как умудрился в диван залезть, змеёныш?» У неё были проблемы с произношением шипящих и «змеёныш» она произнесла как «змеёныф». Я посмотрел на своего соучастника дядю Сашу, который уставившись в трехлитровую банку мутным взглядом и тыкая в её глубь вилкой, безуспешно пытался извлечь оттуда малосольный огурец. «Ну что ж, - улыбнувшись самому себе, подумал я - пусть это останется для всех секретом.» Есть у меня такая слабость - люблю удивлять людей.